

References

1. Uspenskij B. A. Filologicheskie razyskanija v oblasti slavjanskih drevnostej (Relikty jazychestva v vostochnoslavjanskom kul'te Nikolaja Mirlikijskogo). M., MSU Publ., 1982. 245 p.
2. Moroz A. B. Svjatye Russkogo Severa: Narodnaja agiografija. M., OGI, 2009. 528 p.
3. Alpatov S. V. Nikolaj Chudotvorec v russkih narodnyh legendah // Tradicijonnaja kul'tura, 2005, № 1, pp. 31–39.
4. Legendy, predanija, byval'shhiny / N. A. Krinichnaja. M., Sovremennik, 1989. 287 p.
5. Propp V. Ja. Pojetika fol'klora. M., Labirint, 1998. 352 p.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ УСТНЫЕ РАССКАЗЫ: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ

Ивашнёва Лидия Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Содержание устных рассказов отличается документальностью и в то же время психологизмом, модальной окрашенностью повествования. По сравнению с другими жанрами фольклорной прозы, сюжетная основа автобиографических рассказов более вариативна. Тем не менее выявляется своеобразная структурированность текстов, композиционная организация словесного материала.

Ключевые слова: факты биографии рассказчика, историзм, эмоционально-психологические компоненты текста

AUTOBIOGRAPHICAL ORAL STORIES: TO THE QUESTION OF GENRE SPECIFICS

Ivashnyova Lydiya L., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

The content of oral stories includes documentary facts and, at the same time, psychological analysis, modal coloring of the narrative. Compared with other genres of folklore prose, the plot's basis of the autobiographical short stories is more variable. However, the specific structure of texts and compositional organization of verbal material may be discovered.

Keywords: the facts of the biography of the narrator, historicity, emotional and psychological components of the text

Устные рассказы о труде астраханских мореплавателей, ловцов, о штормах и «относах» на Каспии, о праздниках и буднях людей, войнах и других социальных потрясениях, являясь частью народного быта, органично входят в традиционную духовную культуру, в жизнь этноса и оказывают на них большое влияние. Такие автобиографические повествования не всеми исследователями признаны автономным и полноценным в эстетическом плане жанром фольклорной прозы. Действительно, мера художественности народного сказа у разных рассказчиков неодинакова. Кстати сказать, певцы и сказители, знатоки других жанров устного творчества тоже различаются по степени одарённости исполнительским талантом. Однако нельзя не признать, что бесценный материал устных рассказов, автобиографических по преимуществу, – это живая летопись народной жизни и нашей истории, как она отображена в судьбах россиян, в том числе астраханцев.

Сказы нижеволжских ловцов – это устные рассказы о жизни, повествования от первого лица. В данной жанровой разновидности фольклорной прозы преобладает документальное и в то же время эмоционально окрашенное содержание, связанное с конкретными событиями из биографии рассказчика, чаще всего трагическими. Существенные отличия таких рассказов от других жанров фольклора заключаются и в том, что воспоминания об этих событиях, пусть даже далёкого прошлого, очень важны для человека в личном плане. В данном случае имеет место редкая для фольклориста ситуация, когда желание рассказчика поведать о пережитом является главным стимулом для его повествования. Другими словами, текст порождается в процессе исполнения, однако не в результате вопросов и просьб собирателя (фольклориста, этнографа, социолога), а по инициативе его собеседника, по его выбору.

Содержание автобиографических рассказов поэтому менее предсказуемо (относительно инвариантно) по сравнению с классическими жанрами фольклорной прозы. Между тем устные рассказы тоже композиционно оформлены и по-своему структурированы. Сюжетно-композиционная организация текстов обусловлена логикой, последовательностью описываемых событий и эмоциональным отношением к ней рассказчика. Жизненно достоверная информация о реальных событиях, уже принадлежащих истории, оказывается актуальной и для настоящего времени (по различным причинам).

Как свидетельствуют устные рассказы астраханских рыбаков, их труд во все времена был связан с опасностью и риском для жизни. Одна из главных тем таких повествований – борьба человека со стихией урагана, его самообладание, мужество и стойкость. Шторм 1952 года запомнился многим старожилам низовья Волги, прибрежных сёл. Например, Яков Михайлович Крутов, ветеран морского рыбного промысла, в рассказе об этом урагане сохранил в памяти не только подробности стихийного бедствия на Каспии более чем полувекковой давности, но и детали своего эмоционального состояния.

Штормовой ветер (моряна) подул на 7 ноября: *«Седьмой – это праздник у нас. И вот он три дня ураган качал. У нас почалки все отбило, и мы только отбивались одной, только одной. Ну, я думал – детей своих не увижу. Всё – погибну! Топит нас. Мы взяли два каната, канат пустили в цепь – нас топит и всё, топит нас только»*. (Зап. Л.Л. Ивашнёвой, Н.М. Юриной в с. Каралате 15.07.1978 от Крутова Я.М., 1917 г.р. (Фольклорный архив Астраханского госуниверситета: коллекция «Несказочная проза»; в дальнейшем – ФА АГУ)). К слову сказать, в фольклорной экспедиции 1978 года мы пришли к Якову Михайловичу записывать не прозу, а песни – по совету его односельчан, высоко ценивших красивый голос исполнителя и его любовь к народной песне. В этом рассказе Я.М. Крутов акцентирует внимание на том, что гибнущих рыбаков спасали с помощью вертолётчиков и специально оснащённых кораблей. Помощь пришла *«с Главного банку, с этого – с городу, всё на спасенье моряков, на спасение моряков»*. С глубоким чувством Яков Михайлович рассказывал о возвращении в родной дом: *«Как я пришел, как упал около ребятешек, и даже слово не могу – как я скитался, что видал, какую страсть!»*

От этого же знатока традиционной культуры записаны редкие воспоминания о том, что в невероятно сложных условиях борьбы за выживание астраханские ловцы сочиняли стихи и песни: *«В относ (отрыв и унос в открытое море льдины с рыбаками. – примеч. собирателей) так было. Был сильный ураган-ветер. Очень морозило сильно. Они попали в относ, эти вот ребята. Куда – ни хлеба нет, ничего. Есть нечего. По морю они плавали со льдом этим. Потом, это, давали им на спасение пароход»*. Когда ещё сидели на льдине, они *«стали соображать эту вот песню. Видишь, говорят: “Вечер мы с якоря снялись, нас в глубь, нас в море так со льдом несет”. А вот в третий день они ждут ветра, а его и роду-роду нет. Чтоб им разбил*

лед – а они во льдах стоят, эти реюшки (небольшие рыболовные суда, способные “реить, ходить круто в ветер”. – примеч. исполнителя)». (Зап. Л.Л. Ивашнёвой, Н.М. Юриной в с. Каралате 15.07.1978 от Крутова Я.М., 1917 г.р. (ФА АГУ)).

Таких «самодеятельных» песен (на уровне художественной самодеятельности сельских клубов) было создано немало. Они не стали достоянием фольклорной традиции, но были хорошо известны и популярны на Нижней Волге, часто исполнялись на семейных застольях и в любое время («когда вздумаешь») – безотносительно к ритму чередующихся сезонов рыболовной путины, запретов и «распретов» на ловлю рыбы.

Сюжетным стержнем устных рассказов о морской стихии на Каспии чаще всего является последовательность фактов, быстро чередующихся эпизодов того или иного происшествия. Точность зафиксированных событий, поступков действующих лиц в рассказе Якова Степановича Чурилова, капитана рыболовного судна, напоминает документ: отчёт, судовой журнал и т.п. *«Судно находилось в бухте Кяйнулы. Кильки не было. Выбрали три мотора идти в разведку. Шли три с половиной часа. Курс был зюйд-вест. Не доходя до банки Лиманова, стало темнеть. Барометр показывал ураган. Отошли сто метров, пустили сеть – рыбы нет. Отошли еще на пятнадцать – двадцать пять – двести двадцать метров.*

Солнце село. Опустили один конус, другой, зажгли свет. Килька так и прыгала – конус не можем поднять. Один раз выпустили конус – стрела не берет, другой раз – мотор кренит. Наконец, вытащили ящиков восемнадцать рыбы. Ребята стали просить еще выпустить. Но долго задерживаться было нельзя. В общем, груз был наложен в семь ящиков по палубе. Затем стали быстро снимать конус. Ветер уже давал знать». (Зап. Л.Л. Ивашнёвой, С.А. Бегимовой в с. Каралате 10.07.1978 от Чурилова Я.С., 1905 г.р. (ФА АГУ)).

В процитированном фрагменте рассказа капитана Я.С. Чурилова преобладают глагольные формы, структурирующие словесное пространство текста. Нередко они занимают сильные позиции – в начале фразы. Аналогичные функции выполняют повторы, в том числе троекратные («*Отошли еще на пятнадцать – двадцать пять – двести двадцать метров*»). Следует отметить, что повторы и антитезы органично увязаны здесь с короткими фразами, ёмкими по содержанию, и с эллиптическими конструкциями. Принцип контрастного противопоставления, ключевой в сюжетно-композиционной организации рассказа, формируется закономерностями построения прозаического текста и реальной ситуацией морского рыболовства. Затишье сменяется ураганным ветром, отсутствие рыбы – её изобилием («*Килька так и прыгала – конус не можем поднять*»), относительное благополучие мирного времени – угрозой для жизни человека.

Как правило, эпизоды рассказа следуют один за другим чётко, зримо и последовательно: *«В двенадцать часов ночи пришёл зюйд-вест. Мы прошли примерно один час. Подошли к банке Лиманова, напротив острова Огурчинского. С кормы накрывает огромная волна и попадает в машинное отделение. Стали откачивать вручную – крылаткой Сигалёв – за рулем. Судно начало кренить. Решили разложить груз по обеим сторонам судна».* В то же время, с точки зрения слушателя, повествовательная нить может терять логически обусловленную последовательность. Однако обрывы мысли, речевая фрагментарность, своего рода принцип «монтажности» повествования связываются в одно целое живой интонацией эмоционального переживания.

«Пошел в машинное отделение и заметил, что от троса осталось всего три веревочки. Быстро предупредил ребят. Ночью мимо нас прошли быстросходные суда. Когда прошла ночь, пошли дальше. В миле от себя увидели утопающее судно “Ереван”. Час пытались помочь. Пришли на базу

в двенадцать часов ночи. Василий Петрович вызвал меня и спросил про "Ереван". Я указал место его нахождения. Посланные тральщики-корабли спасли судно "Ереван", но одно судно-тральщик "Зарево" погибло. Из команды спасся в шлюпке один человек, но он сошел с ума».

Своеобразны в сюжетном отношении и в эмоционально-психологическом плане сказы женщин-рыбачек, которым приходилось работать в море в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время. «В войну я пятерых из семьи потеряла, осталась одна с матерью и дочкой. Угнали нас в море, а мы в отзимок (внезапное наступление морозов, когда вода в море покрывается слоем режущего льда. – Л.И.) угодили, со льдом нас до Баутина отнесло. Зимовали мы там». Так начинается свой рассказ Анна Ивановна Ивашенкова: «К весне пошел мотор. Было-то мне всего 25 лет. Одно дитя, и мужа на фронт забрали. А тут мы пошли на всех парусах в Каспийское море. Подошли к нам мужики на лодках, помогли парус поднять» (Зап. М. Ермаченко в г. Камызяке 20.06.1999 от Ивашенковой А.И., 1916 г.р. (ФА АГУ)).

Многие старожилы прибрежных сёл могли бы поведать о своём труде на Волге и Каспии стихами Марии Фёдоровны Мухиной, потомственной рыбачки и поэтически одарённой личности:

На ладонях моих – кровавые мозоли,
И не сходят они ни зимой, ни весной...
Они были со мной, сколько помню себя:
От работы лихой, от шеста, от весла [1, с. 41].

(Шест был необходим, когда рыбачили вручную, без моторов, на лодках, реюшках и т.д. Без попутного ветра, когда нельзя было поднять парус, передвигались, отталкиваясь шестами, нередко по многу часов подряд).

Фольклористы не раз утверждали, что творческий вклад народного певца, сказителя существенно влияет на структуру, образность, язык и стиль сказки, песни, былины. В результате анализа устных рассказов выявляется, что от мировосприятия и личности рассказчика, от его чуткости к природному миру и других качеств зависят содержательность, жизненная правдивость и «неосознанная художественность» текстов (термин В.П. Аникина) [2, с. 290]. На синхронном срезе локальной традиции в них обнаруживаются черты сходства, обусловленные «ловецкой» темой, похожими ситуациями в жизни персонажей, и неизбежные различия в отборе материала и его интерпретации.

Устные автобиографические рассказы насыщены диалектной лексикой, специальной терминологией, «ловецкими» словами, почти забытыми, утраченными в наши дни [3]. В сюжетно-композиционной структуре рассказов преобладают повторы, параллелизмы и антитезы; крайне важна детализация описаний. Наряду с эпитетами (они наиболее частотны) и сравнениями, стихийно рождаются метафоры и олицетворения, имеющие, однако, корни в традиционной речевой культуре. Устные рассказы о жизни стали записываться намного позже других жанров фольклора. Их публикации немногочисленны, однако историко-культурное значение неоспоримо [4, с. 201–203]. Изучение поэтики устных рассказов [5] способствует объективной научной оценке данной разновидности фольклорной прозы в аспекте эстетической значимости и художественного своеобразия.

Список литературы

1. Мухина М. Ф. Отчий дом: Стихи и проза / М. Ф. Мухина. – Камызяк : ГП Тип. Камыз. района, 1995. – 64 с.
2. Аникин В. П. Русское устное народное творчество : учеб. для вузов / В. П. Аникин. – М. : Высшая школа, 2004. – С. 283–290.
3. Ивашнёва Л. Л. Духовная этнокультура и устный фольклор русских Астраханского края / Л. Л. Ивашнёва // Астрахань: История. Этнос. Культура. Природа. Геополитика. – Астрахань: Б.и., 2008. – С. 198–207.

4. Копылова Э. В. Словарь рыбаков Волго-Каспия / Э. В. Копылова. – М. : Водолей Publishers, 2002. – 192 с.

5. Мишанич С. В. Устные народные рассказы: вопросы поэтики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. В. Мишанич. – М., 1988. – 33 с.

References

1. Muhina M.F. Otchij dom: Stihi i proza. Kamyzjak, GP Tip. Kamyz. rajona, 1995. 64 p.

2. Anikin V.P. Russkoe ustnoe narodnoe tvorcestvo. M., Vysshaja shkola, 2004, pp. 283–290.

3. Ivashnjova L. L. Duhovnaja jetnokul'tura i ustnyj fol'klor russkih Astrahanskogo kraja // Astrahan': Istorija. Jetnos. Kul'tura. Priroda. Geopolitika. Astrakhan, B.i., 2008, pp. 198–207.

4. Kopylova Je. V. Slovar' rybakov Volgo-Kaspija. M., Vodolej Publishers, 2002. 192 p.

5. Mishanich S. V. Ustnye narodnye rassказы: voprosy poetiki. M., 1988. 33 p.

НЕОМИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф.Н. ГОРЕНШТЕЙНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ «ОТЕЧЕСТВЕННОГО» ПЕРИОДА)

Гайнутдинова Наталия Андреевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: natali.inside@yandex.ru.

В статье рассматриваются особенности неомифологического сознания в прозе Ф.Н. Горенштейна 1960–1970-х гг. Исследуются наиболее важные мифологизированные нарративы в произведениях «Ступени», «Искупление», «Псалом». Автор создаёт тексты, в которых репрезентируются переосмысленные библейские образы, сопряжённые с действительностью второй половины XX в. Это позволяет говорить об особом мироощущении и стиле писателя.

Ключевые слова: Ф.Н. Горенштейн, Библия, миф, неомиф, мифологизирование, неомифологическое сознание, философская концепция, постреализм

THE NEOMYTHOLOGICAL CONCEPTION BY F.N. GORENSTEIN (BASED ON THE PROSE OF “DOMESTIC” PERIOD)

Gaynutdinova Nataliya A., postgraduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: natali.inside@yandex.ru.

The author of this article discusses the peculiar properties of the mythological consciousness of prose by F.N. Gorenstein 1960–1970-ies. We investigate the most important mythological narratives in the works of “Stairs”, “Redemption”, “Psalm”. The writer creates texts that represent reinterpreted biblical images, conjugate with the reality of the second half of the XX century. It allows us to speak about the special attitude and the style by F.N. Gorenstein.

Keywords: F.N. Gorenstein, the Bible, myth, neo myth, mythologizing, mythological consciousness, philosophical concept, postrealism

Духовный и культурный кризис российского общества в конце XX в. оказывает сильное влияние на отечественную литературу, в результате чего формируется новый характер отношений с реальностью. Одной из характерных тенденций развития русской прозы 1960–1990-х гг. становится переосмысление различных культурно-эстетических и литературно-мифологических образов, мотивов, сюжетов, используемых в конструировании индивидуального худо-